

«А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его, но не имеет в себе корня и непостоянен».

(Матф. 13: 20-21)

«Нет во всей России, а может быть, на Земном шаре, никого более коренного по вкусу, по укладу, по организации души, чем костромичи».

П. Флоренский

УКОРЕНЕНИЕ

Из дневника священнослужителя

... Как-то неожиданно появился мой друг Александр: -Иосаф, я взял выходной на завтрашний день, давай съездим к моим в Матвеевское. Отец очень хочет тебя видеть. Я ему уже звонил, и он нас ждет. Машина у крыльца.

Совсем недавно Саша лишился матери. Все это было так молниеносно, что мне не оставалось ничего другого, как собираться в неблизкую дорогу. И это несмотря на то, что ко мне приехал о. Александр Харин, что завтра в день смерти моего отца мне необходимо быть на его могиле. Домашние, конечно, были против моего отъезда, но я вспомнил о том, что «сам погибай, а товарища выручай!» и собрался в одночасье. Сначала заехали в храм, где я взял все необходимое для того, чтобы отслужить панихиду на кладбище.

Было уже около десяти вечера и совершенно темно. Вначале, до села Уткина, ехали по асфальту, затем, повернув, поехали по разбитой дороге, дальше - по каменистой, с большими ухабами. Машина наша никак не была готова к езде по дороге, где пройти могут разве что вездеходы, поэтому ехали очень медленно, но под колеса умудрился попасть заяц-русак. Видимо, его ослепил свет фар. Я вообще первый раз в жизни увидел зайца.

В полночь мы остановились. Нас обступила черная сентябрьская ночь.

-Ну, Иван,-сказал Саша,-теперь-то мы и прогуляемся: всего-то нам пройти 15 километров.

Сквозь страшную темень весело глядели звезды. Дорога дальше пошла колеями - ехать по такой можно разве что на тракторе. Мы взвалили на себя сумки, пожали руку водителю, Саша включил фонарик и, перекрестясь, мы поехали в темную- темную даль, со всех сторон окруженную непроходимым бо-

лотистым лесом. Это, конечно, не для слабоверных. Мы шли по единственной дороге, которая не привыкла быть под присмотром, тем более, что и «до ума» ее никто никогда не доводил. Саша дал мне в руки зажигалку, насмешливо сказав:

- Вот,Иван, увидишь зверя - включай зажигалку. Они огня боятся. А у меня нож охотничий есть.

Стало страшновато, показалось, что уже сейчас за деревом притаился голодный волк, но друг не дал мне по-серьезному задуматься и пришлось поддерживать с ним беседу. Точнее говоря, просто слушать его рассказы об истории этого края. Шли мы уже с полчаса, и мне ужасно хотелось пить. Посветив фонариком в лужи, друг «утешил» меня сообщением, что «не взял с собой ничего жиденького», добавив, правда, что можно зайти к леснику, до дома которого всего семь километров. Оказывается, этот лесник живет в глуши не один десяток лет, имея такую свору собак, что жить не скучно.

- Так что, если хочешь,-сказал Саша,- можно к нему зайти. Собак, конечно, там уйма, да и времени будет уже около двух часов. Я по этой дороге миллион раз хаживал, каждое деревце знаю! Иди-иди за мной, сейчас мы обойдем эту грязь по обочине, только уж иди за мной шаг в шаг, как в войну разведчики, чтобы не засосало.

Иду, еле ноги волочу, пить хочется так, что хоть из лужи пей.А друг все рассказывает о том, какие раньше, по обеим сторонам дороги, были большие деревни: Красавцы, Бусыгинцы, Бусыгино,Колеватовцы, Робяши, а теперь вместо них стеной стоит темный лес, из которого время от времени доносятся странные звуки, похожие то на скрип падающего дерева, то на визг разъяренного зверя, то на храп измученной лошади. Мои силы подходили к концу, я чувствовал уже острое недомогание, когда, наконец, Саша сказал:

- Ну вот, Иван, собаки лают, значит до дома лесника полкилометра осталось. Там мы с тобой и отдохнем. Задумавшись ведь идти нам вдвоем по спящей моей Родине!

МИЛАЯ МОЯ РОДИНА

Это известие меня очень обрадовало, на собак, даже если они злые и кусаются, мне уже тоже было как-то наплевать, а это вот « по спящей моей родине» - задело самые тонкие струны моей души. Я невольно

ЗИМА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Зима приближается.Сызнава Какой-нибудь угол медвежий По прихоти неба капризного Исчезнет в грязи непроезжей.

Домишки в озерах очутятся. Над ними закурят трубы. В холодных объятьях распутицы Сойдутся к огню жизнелюбы.

Обители севера строгого, Накрытые ночью, как крышей, На вас, захолустные логова, Написано: «Сим победиши».

Люблю вас, далекие пристани В провинции или деревне. Чем книга чернее и листанней, Тем прелесть ее душевней.

Обозы тяжелые двигая, Раскинувши нив алфавиты, Россия волшебною книгою Как бы на середине открыта.

И вдруг она пишется заново Ближайшею первой метелью, Вся в росчерках полоза санного И белая, как рукоделье.

Октябрь серебристо-ореховый, Блеск заморозков оловянный. Осенние сумерки Чехова, Чайковского и Левитана.

Октябрь 1943

Б. Пастернак

- Ну вот, Иван, сейчас мы с тобой перекусим,- с этими словами Саша вынул из сумки батон вареной колбасы и буханку хлеба.

- С таким запасом еды и до Вохмы можно докостылять,- пошутил я.

Не обращая внимания на шутку, друг мой отрезал по толстому куску колбасы и такой же скибе хлеба. Раз пить нечего, пришлось есть. Съел и заговорил:

-Саш, а чего собак не слышно? Ну-ка я гавкну: может, проснутся. Гав, гав, га-а-в!

-Ты что?-предостерег друг,- нельзя так. Сейчас как выйдет хозяин на крыльцо да из карабина пальнет- мало не покажется!

Тут-то собаки и залаяли, как озверелые, штук, наверное, с десяток, как хором запели. Слава Богу, что только лаяли, не кинулись, умные твари.

Сидим рядышком, смотрим на небо, а звезд видимо-невидимо, никогда такого звездного неба не видел- все видно: и Млечный путь, и обе Медведицы, и совсем незнакомые мне созвездия... Красота, мною еще не виденная! Так с полчаса и просидели.Даже пить расхотелось.

-Это твой организм компенсировал жажду едой, - солидно заметил Саша.

Через несколько минут мы уже бодро шагали по мягкому месиву, только и слышно было, что «хлюп-шмяк». Удивительно, что по такой дороге ни разу не упали. Я уже привык, стал обращать внима-

ние на отдельные деревья, которые стояли во мраке, как солдаты,охраняя наш путь по бездорожью.Все это было так завораживающе-романтично. Никакие звери на нас не напали, хотя, может, и чуяли, но подойти боялись. Не зря говорят, что человек -самый страшный зверь на свете.

Мы дошли до деревни Колеватовцы, получив от природы огромный запас жизненной энергии, который поддерживает мои силы, я уверен, и доселе.

Дальше все было обыденно: пришли в половине четвертого, обнимались, пили чай, что-то ели, легли спать. Утром, отчистившись, пришли на работу к Сашиному отцу, электрику огромной подстанции 35 киловольт, рядом с которой и находится кладбище, где покоится весь род Кудреватых - Сашина родня. Село небольшое: всего триста жителей.

Отслужили панихиду по усопшим, помянули, чем Бог послал и вернулись на подстанцию, где подвыпивший отец немедленно стал уговаривать сына сменить его на рабочем посту. В этот момент я понял всю справедливость его желания, но это только мое мнение, но это только мое мнение. Было очень грустно.

До дому Наум Александрович, отец Саши, отправил меня в кабине трактора, водитель которого всю дорогу развлекал меня рассказами о жизни этого края.

